

На правах рукописи

АЛИЕВА Ольга Валерьевна

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ
ЖАНРОВ ПРОТРЕПТИКА И ПАРЕНЕЗЫ
В АНТИЧНОЙ И РАННЕХРИСТИАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Специальность 10.02.14 — Классическая филология,
византийская и новогреческая филология

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва — 2013

Работа выполнена на кафедре древних языков и древнехристианской письменности богословского факультета Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Шичалин Юрий Анатольевич

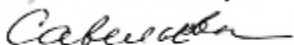
Официальные оппоненты: **Афиногенов Дмитрий Евгеньевич**
доктор филологических наук,
Институт всеобщей истории РАН,
ведущий научный сотрудник
отдела сравнительного изучения
древних цивилизаций

Луховицкий Лев Всеволодович
кандидат филологических наук,
Институт славяноведения РАН,
младший научный сотрудник
отдела истории средних веков

Ведущая организация: Институт философии РАН

Защита состоится 31 октября 2013 г. в 16 часов на заседании диссертационного совета Д 501.001.82 при Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, ГСП-1, Москва, Ленинские горы, МГУ, 1 учебный корпус, филологический факультет.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. Автореферат разослан «__» _____ 2013 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук
доцент

О.М. Савельева

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности проблемы

В диссертации рассматриваются формирование и развитие жанров протрептика и паренезы в античной (Платон, Исократ, Плутарх и др.) и раннехристианской (Климент Александрийский, Григорий Неокесарийский и др.) литературе. Особое внимание уделяется жанровой характеристике бесед III («На слова: *внемли себе*») и XXII («К юношам о пользе языческих сочинений») свт. Василия Великого, анализ которых позволяет выявить различные исторические пласты как протрептика, так и паренезы.

Наличие «паренетического» элемента в христианской литературе признавалось уже Э. Норденом, чей труд *Die Antike Kunstprosa* во многом определил исследования жанра в XX–XXI вв.¹ Норден противопоставил «профетическое» и «паренетическое» начала в христианской литературе²; в свою очередь, паренеза под влиянием П. Вендланда³ и М. Дибелиуса⁴ стала со временем рассматриваться как особый жанр (*Gattung*) раннехристианской письменности. Однако в последние десятилетия формальный подход, развитый в работах этих исследователей, подвергся серьезной критике⁵, так что паренеза как современный термин и как яв-

¹ Norden E. Die antike Kunstprosa: vom VI. Jahrhundert v. Chr. bis in die Zeit der Renaissance. Bd. 2. Leipzig, 1898. S. 538 ff.

² Ср.: McDonald J. Kerygma and Didache: The Articulation and Structure of the Earliest Christian Message. Cambridge; New York, 1980.

³ Wendland P. Anaximenes von Lampsakos: Studien zur ältesten Geschichte der Rhetorik // Festschrift für die XLVIII. Versammlung deutscher Philologen und Schulmänner in Hamburg, von Paul Wendland. Berlin, 1905. S. 82–83.

⁴ Dibelius M. Die Formgeschichte des Evangeliums. Tübingen, 1919. S. 70–82.

⁵ См., напр.: Popkes W. Paraenesis in the New Testament: An Exercise in Conceptuality // Early Christian Paraenesis in Context / Eds. T. Engberg-Pedersen, J. Starr. Berlin; New York, 2005. P. 13–46.

ление античной и раннехристианской литературы по-прежнему вызывает множество вопросов.

Что касается протрептика, то этот жанр изучался главным образом в рамках историко-философских исследований. Среди наиболее значимых работ следует отметить исследования П. Хартлиха⁶, К. Гайзера⁷, А.-Ж. Фестюжьера⁸. Хотя В. Йегер⁹, Д. Ауни¹⁰ и др. говорили о влиянии античного философского протрептика на христианскую литературу, их внимание было обращено преимущественно на тексты I–II в. (послания апостолов, «Увещание» Климента и др.), и содержание понятия «протрептик» оставалось при этом до конца не проясненным.

Таким образом, актуальность данного исследования связана с необходимостью, с одной стороны, ввести новый материал в обсуждение указанных жанров (Филон Александрийский, Григорий Неокесарийский, Ямвлих, свт. Василий Великий и др.) и в силу этого дать более полную картину исторического развития этих жанров в течение восьми веков, а с другой — представить релевантный историко-литературный контекст для рассматриваемых раннехристианских текстов, в частности, для детально проанализированных в работе двух бесед свт. Василия (III и XXII).

Несмотря на то, что в последнее время появляется все больше исследований, посвященных именно литературной преемственности между

⁶ *Hartlich P.* De exhortationum a Graecis Romanisque scriptarum historia et indole // *Leipziger Studien für classischen Philologie*. Vol. XI. 1889. P. 207–336.

⁷ *Gaiser K.* Protrepitk und Paränese bei Platon: Untersuchungen zur Form des Platonischen Dialogs. Stuttgart, 1959.

⁸ *Festugière A. J.* Les trois « protreptiques » de Platon : Euthydème, Phédon, Epinomis. Paris, 1973.

⁹ *Jaeger W.* Early Christianity and Greek Paideia. Cambridge, 1962. P. 10.

¹⁰ *Aune D. E.* Romans as a Logos Protrepitkos in the Context of Ancient Religious and Philosophical Propaganda // *Paulus und das antike Judentum / Hrsg. M. Hengel, U. Heckel.* Tübingen, 1991. S. 91–124.

античностью и христианством¹¹, эта область остается еще довольно плохо изученной, а разброс теоретических подходов и мнений создает серьезные сложности при попытке подступиться к этому вопросу. Сочинения Климента Александрийского, Григория Неокесарийского и Василия Великого рассматривались преимущественно с точки зрения их богословского содержания, в то время как литературная и жанровая стороны их творений редко удостоивались внимания исследователей.

Лишь некоторые *homiliae diversae* свт. Василия выходили в комментированных изданиях на языке оригинала («К юношам»: Буланже¹², Уилсон¹³, Нальдини¹⁴), над другими была проведена серьезная текстологическая работа («На слова: *внемли себе*»: Рудберг¹⁵), большая же часть по-прежнему доступна лишь в издании Миня. Но даже беседы «К юношам» и «На слова: *внемли себе*», которым в силу их популярности посчастливилось выйти в хороших изданиях, не рассматривались с точки зрения

¹¹ См., напр.: *Dillon J. Protreptic Epistolography, Hellenic and Christian // Studia Patristica. Vol. 62 (10). 2013. P. 29–40; Kotzé A. Augustine's Confessions: communicative purpose and audience. Leiden, 2004; Eadem. Protreptic, Paraenetic and Augustine's Confessiones // In Search of Truth. Augustine, Manichaeism, and Other Gnosticism. Studies for Johannes Van Oort / Eds. J. van Oort; J. A. van den Berg et al. Leiden, 2010. P. 3–23; Pouderon B. Aux origines du « genre » de l'apologie // L'Apologétique chrétienne. Expressions de la pensée religieuse, de l'Antiquité à nos jours / Dir. E. Pinto-Mathieu, D. Boisson. Rennes, 2012. P. 15–34; Idem. Y a-t-il lieu de parler de genre littéraire à propos des Apologies du second siècle? // Studia Patristica. Vol. 62 (10). 2013. P. 11–28. Заслуживает внимания работа Э. Стюарта-Сайкса, в которой особое внимание уделяется влиянию протрептика на формирование жанра христианской гомилии: *Stewart-Sykes A. From Prophecy to Preaching: A Search for the Origins of the Christian Homily. Leiden; Boston, 2001.**

¹² *Saint Basile. Aux jeunes gens sur la manière de tirer profit des lettres helléniques / Texte établi et traduit par F. Boulenger. Paris, 1935.*

¹³ *Saint Basil. On the Value of Greek Literature / Ed. N. G. Wilson. London, 1975.*

¹⁴ *Naldini M. Basilio di Cesarea: Discorso ai giovani (Oratio ad adolescentes). Firenze, 1984.*

¹⁵ *Rudberg S. L'Homélie de Basile de Césarée sur le mot « Observe-toi toi-même ». Edition critique du texte grec et étude sur la tradition manuscrite. Stockholm, 1962.*

их жанровой специфики. Поэтому мы считаем необходимым уделить им особое внимание в настоящем исследовании.

Объект и предмет исследования

Объект исследования представлен текстами, которые можно назвать «опорными» для литературно-философской традиции протрептика и паренезы. Речь идет об отдельных сочинениях из корпуса Платона («Евтидем», «Алкивиад I» и «Клитофонт») и корпуса Исократы (прежде всего «К Никоклу», «К Демонику»), а также из корпуса Плутарха («О воспитании детей»). Кроме того, мы рассматриваем трактат «О переселении Авраама» Филона Александрийского, в котором отдельные мотивы Платоновских протрептиков сочетаются с экзегезой Священного Писания. В христианской литературе нас интересует в первую очередь александрийско-кесарийская ветвь платонизма, а именно сочинения Климента Александрийского («Увещание»), Григория Неокесарийского («Благодарственная речь Оригену») и свт. Василия Великого (беседы III «На слова: *Внемли себе*» и XXII «К юношам о пользе языческих сочинений»).

Предмет исследования — формирование и развитие жанров протрептика (*λόγος προτρεπτικός*, «увещание») и паренезы (*παράινεσις*, «наставление») в античной и раннехристианской литературе.

Цели и задачи исследования

Цель исследования заключается в том, чтобы проследить формирование и развитие жанров протрептика и паренезы в античной и раннехристианской литературе начиная с IV в. до Р.Х. и до конца IV в. по Р.Х.

В соответствии с этой целью ставятся задачи:

- 1) рассмотреть существующие общетеоретические подходы к пониманию протрептика и паренезы;

- 2) изучить философскую и риторическую традиции паренезы;
- 3) проанализировать образцы философских протрептиков в Платоновском корпусе и у более поздних авторов, которые оказываются релевантны для понимания текстов свт. Василия (Филона Александрийского, Климента Александрийского, Григория Неокесарийского, Пс.-Плутарха);
- 4) исследовать протрептические мотивы в беседе свт. Василия «На слова: *внемли себе*»;
- 5) решить вопрос об источниках и ближайших жанровых аналогах послания «К юношам».

Методологические основы исследования

В современных исследованиях, посвященных протрептической и паренетической литературе, господствует *функциональный* подход к определению этих литературных явлений¹⁶. Однако описание протрептика и паренезы в терминах коммуникативных задач и целевой аудитории привело к очень широкому их пониманию. Кроме того, при многих своих плюсах этот подход имеет тот несомненный недостаток, что практически игнорирует литературный и философский контекст, в котором формулировались и достигались эти задачи.

С другой стороны, сложно отыскать и *формальные* признаки, которые могли бы объединить все или большинство текстов, традиционно относимых к протрептическому корпусу. Упоминания о протрептике и паренезе в античной риторической теории довольно скудны, из-за чего приходится говорить скорее о *de facto* жанрах, не осмысленных в полной

¹⁶ Этому посвящена первая глава данного исследования, резюме которой см. ниже.

мере античным теоретико-литературным сознанием¹⁷. Ввиду этих сложностей мы освещаем теоретические вопросы, касающиеся протрептика и паранезы, в первой главе, где излагаем и свой подход к проблеме.

Научная новизна

В диссертационном исследовании впервые в отечественной литературе:

- 1) дается обзор философской и риторической традиции протрептика и паранезы и теоретических подходов к этим жанрам;
- 2) выделяются два типа протрептиков в рамках Платоновского корпуса;
- 3) к рассмотрению протрептического и паранетического жанров привлекаются такие тексты, как «О переселении Авраама» Филона Александрийского, «Благодарственная речь» свт. Григория Неокесарийского, «О воспитании детей» Пс.-Плутарха;
- 4) разбирается связь «Увещания» Климента с другими текстами протрептического корпуса;
- 5) детально анализируется влияние жанров протрептика и паранезы на III и XXII беседы свт. Василия.

Положения, выносимые на защиту:

- 1) представление об особом паранетическом жанре сформировалось под влиянием речей Исократ («К Никоклу», «Никокл») и его школы («К Демонику»), причем уже в III в. до Р.Х. велись споры о необходимости паранетической части философии (если верить *Ep.* 94. 2 sqq. Сенеки, где приводится мнение Аристона Стоика);

¹⁷ О *de facto* жанрах см.: Аверинцев С. Жанр как абстракция и жанры как реальность: диалектика замкнутости и разомкнутости // *Его же*. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996. С. 191–219.

- 2) в рамках Платоновского корпуса можно выделить два типа протрептиков, в одном из которых особая роль отводится божественному источнику обращения;
- 3) опираясь на Платона, Климент Александрийский и — через Оригена — свт. Григорий Неокесарийский говорят о протрептическом действии самого Бога-Слова;
- 4) в трактате Пс.-Плутарха «О воспитании детей» протрептические мотивы сочетаются с общей ориентацией на паренезы Исократы;
- 5) разрабатывая в беседе III протрептические мотивы «Алкивиада I» и «Тимея», свт. Василий опирается на александрийско-кесарийскую ветвь платонизма, а также на риторические каноны разработки *γνώμη протρεπτική*;
- 6) беседа XXII, текстуально и паратекстуально маркированная как *παράινεσις*, обнаруживает черты паренетического наставления и на содержательно-композиционном уровне;
- 7) проблематика и стилистика беседы XXII определяются влиянием Плутарха, с несколькими трактатами которого Василий был знаком непосредственно или по значительным выдержкам в одной из антологий;
- 8) уже Ямвлих рассматривает некоторые фрагменты «Государства» и «Федона» как протрептические, но в отличие от него свт. Василий не только заимствует отдельные мотивы, но и встраивает — вслед за самим Платоном и Григорием Неокесарийским — протрептик в более общее рассуждение об образовании.

Научно-практическая значимость результатов исследования

Выводы настоящей работы могут использоваться при составлении историко-филологических комментариев к текстам рассматриваемых в диссертации авторов, а также при разработке курсов лекций или семинаров по истории греческой литературы и патрологии. Поскольку особое внимание в работе уделяется античному протретику, отдельные разделы диссертации могут быть использованы при составлении курсов по истории философии.

Апробация результатов исследования

Основные положения работы были представлены в виде докладов на XX Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 9–14 октября 2009 г.); на XXI Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 19–23 ноября 2010 г.); на XXII Ежегодной богословской конференции (ПСТГУ, 16–22 ноября 2011 г.); на международной конференции XVI International Conference on Patristic Studies (Оксфорд, Великобритания, 8–12 августа 2011 г.); на семинаре Греко-латинского кабинета в Центре античной и средневековой философии ИФ РАН (ИФ РАН, 14 февраля 2012 г.); на международной конференции Socratica III (Тренто, Италия, 23–25 февраля 2012 г.); на международной конференции X Symposium Platonicum: *Symposium* (Пиза, Италия, 4–20 июля 2013 г.); на международной конференции Origeniana Undecima (Орхус, Дания, 26–31 августа 2013 г.)

Структура работы

Структура работы соответствует цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** дается обоснование актуальности темы, сформулированы проблема, цель и задачи исследования, определены объект, предмет и научная значимость работы, описаны методологические основы и структура диссертации, а также перечислены ее основные положения.

Первая глава «Протрептик и паренеза: в поисках жанра» посвящена различным теоретическим и методологическим подходам к протрептику и паренезе.

В разделе 1 первой главы дается ретроспективный обзор жанровых теорий, опирающихся на фундаментальное исследование П. Хартлиха *De exhortationum a Graecis Romanisque scriptarum historia et indole*¹⁸. В работах одних исследователей (П. Вендланд¹⁹, Р. Фечера²⁰ и др.) дихотомия протрептик — паренеза рассматривается с точки зрения формы, в работах других (С. Стауэрс²¹, Л. Пердью²² и др.) — с точки зрения коммуникативных функций. Дихотомическое деление приводит к тому, что паренеза изучается главным образом библеистами и специалистами по раннехристианской литературе²³, в то время как протрептик интересует преимущественно историков греческой философии²⁴.

¹⁸ Hartlich P. Op. cit. P. 207–336.

¹⁹ Wendland P. Op. cit. S. 82–83.

²⁰ Vetschera R. Zur griechischen Paränese. Sonderabdruck aus den Jahresberichten des k.k. deutschen Staatsgymnasiums in Smichow (1911–1912). Smichow, 1912.

²¹ Stowers S. K. Letter Writing in Greco-Roman Antiquity. Philadelphia, 1986. P. 92.

²² Perdue L. The Social Character of Paraenesis and Paraenetic Literature // Semeia. Vol. 50 (Paraenesis: Act and Form). 1990. P. 5–40.

²³ См., напр.: Popkes W. Paränese // Theologische Realenzyklopädie / Hrsg. G. Müller. Berlin; New York, 1995.

²⁴ См. выше прим. 7 и 8.

В разделе 2 подробно разбирается критика в адрес П. Хартлиха. Т. Берджесс указал на взаимозаменяемость терминов *παράινεσις* и *προτρεπτικός λόγος*²⁵, а Дж. Гамми и Дж. Старр — на невозможность разграничить аудитории протрептических и паренетических сочинений как «внешнюю» и «внутреннюю»²⁶. Обращаясь к свидетельствам Филона из Ларисы, Евдора Александрийского и Сенеки, Д. Суонкэтт приходит к выводу, что протрептик (*protreptic*) и паренеза (*paraenetic speech*) могли входить как составные элементы в увещание (*protrepsis*)²⁷.

Раздел 3 посвящен методологическим сложностям, с которыми сталкиваются попытки дать определение протрептику и паренезе. По мнению М. Джордана, протрептик не является жанром «в обычном смысле», то есть не представляет собой определенной комбинации композиции, стиля и предмета, в силу чего имеет смысл говорить об особенной «риторической ситуации» протрептических текстов²⁸. Его подход был подвергнут критике С. Р. Слингсом, по мнению которого исследование протрептика должно опираться на мотивный анализ с привлечением «внешних» и «внутренних» критериев²⁹.

²⁵ Burgess Th. L. *Epideictic Literature*. Chicago, 1902. P. 229–231.

²⁶ Starr J. M. Was Paraenesis for Beginners? // *Early Christian Paraenesis in Context*. P. 73–112. Против дихотомического деления высказывались также В. Попкес (*Popkes W. Paränese und Neues Testament*. Stuttgart, 1996) и У. Уахоб (*Wachob W. H. The Voice of Jesus in the Social Rhetoric of James*. Cambridge (UK), 2000. P. 51).

²⁷ Swancutt D. Paraenesis in Light of Protrepis: Troubling the Typical Dichotomy // *Early Christian Paraenesis in Context*. P. 113–156.

²⁸ Jordan M. D. Ancient Philosophic Protrepitic and the Problem of Persuasive Genres // *Rhetorica*. Vol. 4. 1986. P. 309–333. О концепции «риторической ситуации» см.: Bitzer L. F. *The Rhetorical Situation* // *Philosophy and Rhetoric*. Vol. 1. 1968. P. 1–14. Ситуационный анализ жанра был развит позднее в статье: Harrell J., Linkugel W. A. *On Rhetorical Genre: An Organizing Perspective* // *Philosophy & Rhetoric*. Vol. 11. 1978. P. 262–281.

²⁹ Slings S. R. Plato, Clitophon. Cambridge (UK), 1999. P. 67–68. Сп.: *Idem*. Protrepitic in Ancient Theories of Philosophical Literature // *Greek Literary Theory After Aristotle*.

Поскольку и формальный, и функциональный подходы к жанрам протрептики и паренезы имеют свои недостатки, в разделе 4 мы предлагаем говорить об исторических жанрах, учитывая в первую очередь генеалогическую аффилиацию текстов³⁰. Такой подход предполагает использование традиционных методов комплексного историко-филологического анализа. В то же время, мы признаем важность таких жанровых критериев, как паратекстуальные и текстуальные маркеры, формальные признаки, общие мотивы. Унифицировать эти критерии, на наш взгляд, не только невозможно, но и нежелательно; гораздо важнее иметь в виду, в рамках какой жанровой логики в каждом конкретном случае ведется рассуждение о протрептике и паренезе.

Вторая глава «Паренеза: философская и риторическая традиция» посвящена жанру наставления, или паренезе.

В разделе 1 разбираются литературные особенности и обстоятельства создания наиболее ранних из дошедших до нас паренетических речей: «К Никоклу» и «Никокл» Исократ, а также анализируется упоминание самого Исократ о жанре паренезы в речи «Об обмене имуществом» (*Ant.* 68). Псевдоэпиграф «К Демонику», написанный, по-видимому, в ответ на «Протрептик» Аристотеля³¹, оформляет противопоставление про-

A collection of papers in honour of D.M. Schenkeveld / Eds. J. G. J. Abbenes; S. R. Slings; I. Sluiter. Amsterdam, 1995. P. 173–192.

³⁰ В ходе теоретической разработки проблемы жанра мы опирались на С. Аверинцева (см. выше прим. 17), Ц. Тодорова (*Todorov T. Introduction à la littérature fantastique. Paris, 1976*), а также следующие работы: Ж.-М. Шеффер. Что такое литературный жанр? М., 2010; Bawarshi A. Genre: An Introduction to History, Theory, Research, and Pedagogy. West Lafayette, Ind., 2010 и др.

³¹ На то, что среди строк «К Демонику» проглядывает *Konkurrenzneid*, обратил внимание еще Йегер (*Jaeger W. Aristoteles: Grundlegung einer Geschichte seiner Entwicklung. Berlin, 1923. S. 58*). Он, в свою очередь, опирается на Вендланда (*Wendland P. Op. cit. S. 97*), который отметил некоторые параллели между посланием «К Демонику» и «Протрептиком» Аристотеля. Дюринг приводит список параллелей

трептика (в котором усматривается прежде всего увещание к теоретической философии) и паренезы (которая представляет собой наставление практического характера).

В разделах 2–7 подробно анализируются случаи технического употребления термина *παράνεσις* и однокоренных слов у античных авторов (Филона из Ларисы, Евдора Александрийского, Климента Александрийского и др.), тексты теоретического характера (*Progymnasmata* Афтония, *Prolegomena Ad Aristidem* Сопатра, *De differentia verborum* Пс.-Аммония, *Characteres epistolici* Пс.-Либания, *Syriani, Sopatri et Marcellini scholia ad Hermogenis Status*), а также свидетельства Сенеки о паренетической традиции (Ер. 94 и 95). В разделе 8 выделяются основные признаки паренезы с точки зрения прагматики текста, его содержания и формы. Мы показываем, что канон паренетического наставления, заданный Исократом, трансформируется по мере вхождения в поле философии авторитетных сакральных текстов (как языческих, так и христианских).

В **третьей главе «Философский протрептик и его рецепция»** рассматриваются примеры философского протрептика в Платоновском корпусе, у Климента Александрийского, в «Благодарственной речи» Григория Чудотворца и в трактате «О воспитании детей» Пс.-Плутарха.

О влиянии сократического протрептика — в том его виде, в котором он представлен в «Евтидеме» — на христианскую литературу писал еще В. Йегер³². Тем не менее, как мы показываем в разделе 1. 1, протрептик

между двумя сочинениями, см.: *Düring I. Aristotle's Protrepticus: An attempt of Reconstruction. Göteborg, 1961. P. 226.* Из более поздних исследователей Стауэрс (*Stowers S. Op. cit. P. 92*), Малерб (*Malherbe A. J. Moral Exhortation: A Greco-Roman Sourcebook. Philadelphia, 1986. P. 122*) и Суонкатт (*Swancutt D. Op. cit. P. 141*) придерживаются точки зрения, что «К Демонику» является откликом на сочинение Аристотеля.

³² *Jaeger W. Early Christianity... P. 10.*

Сократа в этом диалоге носит паралогистический и игровой характер и содержательно и формально отличается от прочих речей Платонова Сократа³³. Аристотель и Ямвлих, используя протрептические мотивы «Евтидема»³⁴, игнорируют проблему рабства во имя добродетели, которая возникает в связи с протрептиком в этом диалоге (*Euthyd.* 282b4–5). В разделе 1.2 специально рассматривается связь философского протрептика с *λόγοι ἐρωτικοί*³⁵. Разрабатывая тему добровольного рабства в диалогах «Федр» и «Пир», Платон вводит понятие «увещающего Эрота» (*Symp.* 180e4–a6: Ἔρως προτρέπων, ср.: *Phaedr.* 257ab), переводя таким образом проблему *ἑθελοδοουλεία* (*Symp.* 184c2–7) в религиозную плоскость. Протрептические «чары» Сократа-Эрота³⁶ исходят от самого божества, адресованы божеству и — в конечном итоге — обращают к божественному.

В разделе 1.3 диалог «Алкивиад I»³⁷ рассматривается на фоне эксплицитно маркированных протрептиков «Евтидема» и подложного «Клитофонта». Хотя все три текста традиционно включаются в протреп-

³³ Схожее мнение высказывается в работах: *Narcy M.* Le philosophe et son double : un commentaire de l'*Euthydème* de Platon. Paris, 1984. P. 106–114; *Michelini A.* Socrates Plays the Buffoon: Cautionary Protrepitic in *Euthydemus* // *American Journal of Philology*. 121. 2000. P. 509–535, здесь: 526. Противоположная точка зрения представлена у Ф. Гонсалеса: *Gonzalez F.* The Socratic Elenchus as Constructive Protrepitic // *Does Socrates Have a Method?: Rethinking the Elenchus in Plato's Dialogues and Beyond* / Ed. G. A. Scott. University Park, PA, 2002. P. 161–182.

³⁴ О влиянии «Евтидема» на «Протрептик» Аристотеля см.: *Düring I.* Op. cit. P. 180. Ср.: *Iambl. Protr.* 24. 22–27. 11.

³⁵ *Gaiser K.* Op. cit. S. 64. См. также: *Lasserre F.* Ἐρωτικοὶ λόγοι // *Museum Helveticum*. Vol. 1. 1944. P. 169–178.

³⁶ См.: *Hadot P.* Philosophy as a Way of Life: Spiritual Exercises from Socrates to Foucault / Trans. A. I. Davidson. Malden, 1995. P. 158–165.

³⁷ Обзор литературы, посвященной аутентичности «Алкивиада I», можно найти в статье: *Jirsa J.* Authenticity of the Alcibiades I: Some Reflections // *Listy filologické*. CXXXII. № 3–4. 2009. P. 225–244. Для нашего исследования вопрос об авторстве не является принципиальным.

тический корпус IV в. до Р.Х.³⁸, их увещательные стратегии принципиально отличаются. В публичных увещаниях Сократа в «Евтидеме» и «Клитофонте» призыв к *ἐπιμέλεια ἑαυτοῦ* сочетается с безуспешным поиском соответствующего искусства³⁹, подобным искусству медицинскому или гимнастическому. Напротив, автор «Алкивиада I» пытается дать положительную разработку мотива самопознания, который встречается во многих текстах Платоновского корпуса⁴⁰.

Опираясь на выводы разделов 1. 1–1. 3, мы утверждаем, что Платон (и следующий за ним автор «Алкивиада I») дистанцируется от эксплицитно-протрептической традиции⁴¹, поскольку истинным источником обращения, как следует из «Пира», может быть только бог. В то же время

³⁸ См.: *Slings S. R. Plato... P. 73–74.* «Алкивиад I» по меньшей мере со II в. по Р.Х. рассматривался как «введение» в платоновскую философию (*Thesleff H. Studies in Platonic chronology. Helsinki, 1982. P. 215.*) Альбин, автор «Введения к диалогам Платона» (II в.), считает, что приступить к учению Платона надо с этого диалога: «чтобы перемениться (*τραπήναι καὶ ἐπιστραφήναι*) и узнать то, чем надлежит ревностно заниматься (*τὴν ἐπιμέλειαν ποιεῖσθαι*)» (*Albinus. Intr. in Plat. 5. 16–17*; пер. Ю. Шичалина). Элий Аристид в речи *Πρὸς Πλάτωνα ὑπὲρ τῶν τεττάρων* сравнивает текст Эсхина с «Алкивиадом I», принадлежность которого Платону он не подвергал сомнению, и указывает на протрептический характер обоих текстов (286. 7: *εἰς τὸ προτρέψαι*). Согласно Проклу, «божественный Ямвлих» считал, что изучение платоновской философии надо начинать с «Алкивиада I» (*Proclus. In Alc. I. 11. 12*). Примером того, что и в IV в. определенные мотивы и методы аргументации «Алкивиада» воспринимались в качестве увещания заниматься философией, служит «Протрептик» Ямвлиха, в котором довольно большой отрывок посвящен переложению этого диалога (*Pistelli 27.12–27.21; 28.20–29.14*).

³⁹ Подробнее о *τέχνη*-апории см.: *Slings S. R. Plato... P. 165–166; Gonzalez F. Op. cit. P. 163–164.*

⁴⁰ Мотив самопознания возникает в таких диалогах, как «Протагор» (343b), «Хармид» (164d–165a), «Федр» (229e), «Филеб» (48c), «Тимей» (72a) и «Законы» (923a), не говоря уже о самом «Алкивиаде I» (124b). Все это свидетельствует в пользу того, что мотив самопознания служил важной темой академических дискуссий. См.: *Платон. Федр / Ред. Ю. Шичалин. М., 1989. С. 76–77; Courcelle P. “Connais-toi toi-même” de Socrate à Saint Bernard. Vol. 1. Paris, 1974. P. 14.*

⁴¹ Представленной, вероятно, протрептиками Антисфена и Аристиппа. Подробнее см.: *Алиева О. Сократики и λόγος προτρεπτικός в IV в. до Р.Х. // Вестник ПСТГУ I. Т. 3 (41). 2012. С. 105–114.*

мы можем говорить — *ὁμωνύμως* — о протрептическом характере речей Сократа, поскольку причастность истинной красоте придает его речам «божественность» (*Symp.* 222a3 и т.д.), способную привлекать и обращать других людей.

Раздел 2 посвящен «Увещанию» Климента⁴². Художественная форма этого сочинения, как показано в разделе 2. 1, отмечена влиянием «Александрийской речи» Диона Хрисостома⁴³, но при этом отражает уже рассмотренную тенденцию Платоновских протрептиков, подлинный источник увещательной силы которых – божество. В разделе 2. 2 рассматривается концепция увещающего Логоса (*λόγος προτρεπτικός*) у Климента, для которого *προτρεπτικός* становится уже не жанровой характеристикой, а эпитетом Бога. Подобное понимание протрептика (см., напр.: *Protr.* 11. 113. 1: *καθολικὴ προτροπὴ... ἡ θεοσέβεια*; ср.: *Paedag.* 1. 1. 1. 2–3) позволяет Клименту встроить в свое сочинение отдельные Платоновские термины

⁴² Заглавие *προτρεπτικός* применительно к своему сочинению использует уже сам Климент в «Строматах» (7. 22. 3); Евсевий (*Hist. Eccl.* VI. 13. 3) также упоминает среди сочинений Климента *πρὸς Ἑλλήνας λόγος ὁ Προτρεπτικός*. См.: Clementis Alexandrini *Protrepticus* / Ed. M. Marcovich. Leiden; Boston, 1995. P. 1. К корпусу протрептических сочинений «Увещание» Климента отнес Хартлих (*Hartlich P.* Op. cit. P. 332); вслед за ним Суонкэйт (*Swancutt D.* Op. cit. P. 149), Рэнкин (*Rankin D.* *Apologetic or Protreptic? Audiences and Strategies in Clement of Alexandria's Stromateis and Protrepticus* // *Sacris Erudiri.* Vol. 44. 2005. P. 5–35) и другие исследователи рассматривают слово *προτρεπτικός* в заглавии как указание на жанр. М. Рицци указывал на некоторые риторические особенности «Увещания», в частности на его связь с описанным у Менандра жанром *λαλιά* (*Rizzi M.* *Ideologia e retorica negli «exordia» apologetici: il problema dell'«altro».* Milano, 1993. P. 170–202); этот вопрос был разработан в статье Т. Лехнера (*Lechner T.* *Süße Lust des Logos: Die Vorrede zum Protreptikos des Clemens von Alexandrien und die *prolaliai* der Zweiten Sophistik* // *Logos Der Vernunft, Logos Des Glaubens* / Hrsg. F.-R. Prostmeier; H. E. Lona. Berlin, 2010. S. 149–199). Однако как сам М. Рицци, так и Т. Лехнер анализируют, главным образом, вступление к «Увещанию» Климента, оставляя в стороне вопрос о том, в какой мере Климент мог ориентироваться на протрептическую традицию античности.

⁴³ См.: Emmett L. *Clement of Alexandria's Protrepticus and Dio Chrysostom's Alexandrian Oration* // *Studia Patristica.* Vol. 36. 2001. P. 409–414.

и образы. Так, он говорит о «небесной любви» (11. 117. 2: οὐράνιος ...ἔρωσ), которой должна отвечать идущая от человека любовь к истине (11. 113. 1: σοφίας ...ἔρωτα).

Традиция христианского увещания прослеживается в разделах 3. 1–3. 3 на примере «Благодарственной речи» свт. Григория Неокесарийского⁴⁴, где мы также усматриваем связь с текстами Платона. Свое обращение к философии и вступление в число учеников Оригена свт. Григорий описывает, опираясь на диалог «Пир», и придает Оригену черты Сократа. В указании на «божественную силу» (*In Orig.* 6. 50) и «чары» (*In Orig.* 6. 47–48) Оригена просматриваются аллюзии на диалоги «Пир» (216с6–7 и т.д.) и «Менон» (80а2–3). Как и у Платона, у свт. Григория на первый план выходит увещающее действие эроса и связанной с ним боговдохновенной дружбы. Не столько доводы Оригена обратили Григория к философии, сколько сам Бог-Слово, действующий через Оригена, привлек его своей красотой и воспламенил любовь к Себе (*In Orig.* 6. 66–70). В содержательном плане увещания Оригена, если верить Григорию, также опирались на Платона: мы встречаем здесь характерные мотивы самопознания (*In Orig.* 6. 13–17), заботы о себе и «делания своего» (*In Orig.* 11. 9–10; 28–39), которые получают в речи христианское истолкование.

Наконец, в разделах 4. 1–4. 3 третьей главы рассматривается трактат «О воспитании детей» Пс.-Плутарха, интересный как образец протрепетика во II в.⁴⁵ В этом трактате разрабатываются некоторые мотивы экс-

⁴⁴ Grégoire le Taumaturg. Remerciement à Origène, suivi de la lettre d' Origène à Grégoire / Texte grec, introduction, traduction et notes par H. Crouzel. Paris, 1969.

⁴⁵ Подложность этого сочинения принимается большинством исследователей, начиная с Виттенбаха. См.: Wyttenbach D. Animadversiones in Plutarchi Opera moralia. Lipsiae, 1820. P. 1–30. Тем не менее, были попытки защитить авторство Плутарха. См.: Sizoo A. De Plutarchi qui fertur De liberis educandis libello. Amstelodami, 1918.

плицитных протрептиков, в частности, «Клитофонта»⁴⁶. В то же время автор трактата очевидно имеет в виду и паренезы Пс.-Исократа⁴⁷. Мы показываем, что о сочетании протрептика и паренезы в рамках единой увещательной традиции можно говорить лишь в тех случаях, когда протрептик понимается в духе «Клитофонта», то есть как призыв к некоему «конструктивному» знанию (ср.: Plat. *Clit.* 408e2: *τί τούντεῦθεν*). В рамках этой традиции органично выглядят призывы Пс.-Плутарха не экономить на учителях и довериться опытным «врачам» и «кормчим» (*De lib. ed.* 4 D–E).

В четвертой главе «Беседа "На слова: внемли себе" как философский протрептик» мы обращаемся к литературной и жанровой специфике гомилии свт. Василия, которая – в силу универсальной образованности и учености святителя – позволяет усмотреть влияние практически всех намеченных этапов бытования протрептика в предшествующей философской и литературной традиции и потому имеет принципиальное значение для полноценного представления об истории этого жанра. В разделах 1.1–1.2 анализируются протрептические мотивы «Алкивиада I», использованные святителем. Мы показываем, что как в выборе и постановке темы, так и в ее разработке свт. Василий примыкает к александрийско-кесарийской ветви платонизма, в частности, к Евсевию Кесарийскому, который приводит фрагмент «Алкивиада I» в *Praep. Ev.* XI.

P. 55 sqq. Для целей настоящего исследования вопрос об авторстве не является принципиальным. О датировке см.: *Glaeser F. De pseudo-Plutarchi libro ΠΕΡΙ ΠΑΙΔΩΝ ΑΓΩΓΗΣ // Dissertationes philologiae Vindobonenses. Vol. 12. 1913. P. 102.*

⁴⁶ Ф. Глезер и Н. Эббот отмечали протрептический характер гл. 8 и 9 сочинения, где предметом восхваления автора является философия, см.: *Glaeser F. Op. cit. P. 14; Abbot N. J. S. The Treatise de Liberis Educandis attributed to Plutarch. Oxford (unpubl. PhD), 1980. P. 109, 160.*

⁴⁷ Д. Виттенбах подчеркивал близость трактата паренезам Исократа. См.: *Wytttenbach D. Op. cit. P. 24, 29.*

27⁴⁸. В духе этой традиции Василий смещает акцент с этической проблематики диалога на метафизическую, в частности, на вопросы бессмертия души и познания Бога. Как и для Оригена (насколько можно судить по «Благодарственной речи»), самопознание для святителя является не самоцелью, а лишь призывом к познанию Бога, и именно в этом состоит обращение к подлинной философии.

В разделе 2 разбирается еще один важный пласт платонизма в гомилии, восходящий к диалогу «Тимей». О том, что отдельные фрагменты этого диалога воспринимались как протрептические, свидетельствует «Протрептик» Ямвлиха (*Protr.* 30. 13–31. 19). Многие мотивы «Тимея», на которые опирается свт. Василий, изложены и в указанном фрагменте Ямвлиха. Так, оба автора говорят о трехчастном строении души (*Att.* 34. 14–35. 7), «подобающем питании» для души (*Att.* 27. 16–28. 3), «небесном сродстве» ее разумного начала (*Att.* 27. 11–14; 36. 10–12) и уподоблении созерцаемому (Богу) (*Att.* 36. 6–7). Тем не менее, ряд параллелей с «Тимеем» позволяет говорить о независимой интерпретации диалога Василием.

Как отмечается в разделе 3, космологическая проблематика «Тимея» получила протрептическую разработку уже у Филона Александрийского в трактате «О переселении Авраама»⁴⁹. Опираясь на стих из Книги Бытия, Филон призывает своих слушателей к самопознанию (*De migr. Abr.* 8. 1–3), которое понимается им как восхождение к созерцанию сущего (*De migr. Abr.* 194. 1–196. 1) через созерцание умом себя самого (*De migr. Abr.*

⁴⁸ Об использовании «Алкивиада I» и других Платоновских диалогов Евсевием см.: Favrelle G. Le platonisme d' Eusèbe // *Eusèbe de Césarée. La Préparation Évangélique, Livre XI / Introduction, traduction et commentaire par G. Favrelle.* Paris, 1982. P. 350–374.

⁴⁹ *Philon d'Alexandrie. La Migration d'Abraham / Introduction, texte critique, traduction et notes par R. Cadiou.* Paris, 1957. О протрептике и мотивах «Тимея» у Филона см.: Runia D. T. *Philo of Alexandria and the Timaeus of Plato.* Leiden, 1986. P. 340.

189. 4–192. 1). Способность ума к такому созерцанию Филон описывает метафорически как «острозрительность» (*De migr. Abr.* 35. 5: *ὄξυδερκεστάτην ὄψιν*). Точно так же свт. Василий рассматривает познание себя как путь к познанию Бога (*Att.* 35. 12–24) и говорит в связи с этим об «острозрительности» (*Att.* 26. 10: *ὄξυδορκία*). Кроме того, оба автора сближают слова Моисея «внемли себе» с дельфийским призывом «познай себя» (*Att.* 27. 7–11; *De migr. Abr.* 8. 2–3) и упоминают в этой связи о «внутреннем» и «произносимом» словах (*Att.* 23. 1–8; *De Migr. Abr.* 2. 3–4). Таким образом, мы можем говорить об ориентации свт. Василия на Филона, который начал использовать экзегезу Священного Писания в протрепетических целях.

Наконец, в разделе 4 вступление к гомилии соотносится со схемой разработки *γνώμη προτρεπτική* в *Progymnasmata* Афтония (10. 8–10), который, как и Василий, учился у ритора Либания⁵⁰. Святитель воспроизводит основные структурные элементы схемы, описанной Афтонием (цитата — перифраза — причина — противопоставление — сравнение — пример — свидетельство — заключение), что позволяет говорить о его знакомстве не только с философской, но и с риторической традицией увещания.

Пятая глава «Протрептик и паренеза в послании К юношам» посвящена влиянию протрептики и паренезы на послание свт. Василия «К юношам о пользе языческих сочинений». Сама тема этого сочинения провоцировала святителя и в этом случае дать самые отчетливые указа-

⁵⁰ См.: Kennedy G. *Progymnasmata: Greek Textbooks of Prose Composition and Rhetoric*. Atlanta, 2003. P. 89.

ния на те этапы предшествующей традиции, которые были намечены нами в ходе исследования обоих жанров.

В разделе 1 представлен краткий обзор мнений относительно времени написания и аудитории сочинения. На основании указаний святителя на возраст его слушателей⁵¹ и на родственные с ними отношения (1. 8-10: τῆ τε παρὰ τῆς φύσεως οἰκειότητι εὐθὺς μετὰ τοὺς γονεῶς ὑμῶν τυγχάνω⁵²) мы можем датировать гомилию очень широким периодом: 360–370-е гг.⁵³ С уверенностью можно исключить лишь кон. 350-х, который предлагает Р. Уинн⁵⁴. Параллели с беседой III позволяют предположить, что оба текста написаны примерно в один период. Датировка беседы III, в свою очередь, обусловлена некоторыми параллелями с «Беседами на Шестоднев»⁵⁵. Хотя в «Беседах на Шестоднев» рассматривается

⁵¹ Возраст слушателей устанавливается на основании цитат из классиков: юноши были уже знакомы с Гесиодом и знали, кто такие «кеосский» (5. 55) и «египетский» (9. 141) софисты. В 5. 61 свт. Василий прямо говорит, что его слушатели находятся примерно в том же возрасте, что и Геракл в аллегории Продика. Все это указывает на возраст 15–16 лет. См.: *Saint Basil. On the Value...* P. 7–8.

⁵² Еще Буланже отметил, что среди слушателей были племянники святителя. См.: *Saint Basile. Aux jeunes gens...* P. 25. Моффат (*Moffatt A. The Occasion of St Basil's Address to Young Men // Antichthon. Vol. 6. 1972. P. 74–86, здесь: 75*) считает, что речь идет о духовной близости, что опровергается цитатой из *Ep.* 31. 3–7, в которой выражение *φύσεως οἰκειότης* используется Василием с последующим пояснением: *Αἵματος γὰρ ἐσμεν τοῦ αὐτοῦ.*

⁵³ По мнению П. Маравалья, в 360-х гг. у святителя уже могли быть племянники, способные оценить подобную речь. См.: *Maraval P. Encore les frères et soeurs de Grègoire de Nysse // Revue d'Histoire et de Philosophie Religieuses. Vol. 2. 1980. P. 166.*

⁵⁴ Р. Уинн отвергает 360–70-е гг. в качестве возможной даты написания послания, потому как тогда придется предположить «шизофренические расхождения» между написанными в один период сочинениями, и датирует его 355–356 гг. См.: *Winn R.E. Revising the Date of Authorship of Basil of Caesarea's Ad Adolescentes // The Greek Orthodox Theological Review. Vol. 44. 1999. P. 291–307.*

⁵⁵ Ж. Грибомон и П. Федвик указывают на содержательную близость между беседой III и «Беседами на Шестоднев». См.: *Fedwick P. J. A Chronology of the Life and Works of Basil of Caesarea // Basil of Caesarea: Christian, Humanist, Ascetic / Ed. P. J. Fedwick. Toronto, 1981. P. P. 3–19, здесь: 9; Gribomont J. Notes biographiques sur*

«естественно-научный» аспект «внешней» учености, общая теоретическая установка святителя в послании «К юношам» принципиально та же самая: знание, которое не приводит к истинному уразумению Бога, является бесполезным. Мы полагаем, что обращение святителя к протрепетическому пласту античной литературы в заключительной из «Бесед на Шестоднев» могло подсказать и идею послания «К юношам», где объектом рефлексии становится протрепетическое и пропедевтическое значение языческой учености.

В ряде рукописей беседа XXII маркирована как паренеза⁵⁶; на паренетический характер указывают и маркеры в самом тексте (1. 24: *συμβουλεύσων ἤκω*; 10. 22: *παραινέσαιμ' ἄν*; 10. 33: *συμβουλεύσω*). Обращение в разделе 2 к паренетической традиции, в частности, к посланию «К Демонику», позволяет обнаружить черты паренетического наставления и на содержательно-композиционном уровне. Мы встречаем в беседе указания на отеческое расположение святителя к слушателям (1. 10: *ὥστε μήτ' αὐτὸς ἔλαττόν τι πατέρων εὐνοίας νέμειν ὑμῖν*), на стремление принести им пользу (1. 2: *ἃ συνοίσειν*), а также список мнимых благ (2. 1–10, ср.: *Ad Dem. 6. 1–7. 6*) и другие признаки, сближающие эту гомилию с посланием Пс.-Исократа.

s. Basile le Grand // Basil of Caesarea: Christian... P. 21–48, здесь: 31. Ср.: Морескини К. История патристической философии. Москва, 2011. С. 619. С мнением Ж. Бернарди, согласно которому беседа III «выдает скорее новичка, чем человека, уверенного в себе и своей аудитории», сложно согласиться (*Bernardi J. La prédication des Pères Cappadociens: le prédicateur et son auditoire. Paris, 1968. P. 67*). На епископский сан автора могут указывать его слова в 29. 10–14, где он обращается к «ловцам» (т.е. священникам): *Πρόσεχε ἐπιμελῶς, μή πού σε διαφύγη τὸ θήραμα, ἵνα συλλαβόμενος τῷ λόγῳ τῆς ἀληθείας τοὺς ὑπὸ τῆς κακίας ἀγριωθέντας προσαγάγῃς τῷ σῶζοντι.*

⁵⁶ *Naldini M. Basilio di Cesarea... P. 137.*

Однако в целом, как показано в разделах 3. 1–3. 3, содержание и стилистика беседы определяются влиянием Плутарха. Мы утверждаем, что как минимум с двумя трактатами херонейского писателя (*De audiendis poetis*, *De profectu in virtute*) Василий был знаком непосредственно или по значительным выдержкам в одной из антологий, наподобие антологии Сопатра, о которой сообщает Фотий (*Bibl. Cod.* 161). Рукописная традиция Плутарха, которой мы касаемся в разделе 3. 4, не позволяет с уверенностью отнести к источникам свт. Василия трактат Пс.-Плутарха «О воспитании детей», несмотря на некоторые параллели между двумя текстами.

Признавая — вслед за Плутархом — протрепетический и пропедевтический характер греческой литературы, свт. Василий, тем не менее, отводит этой литературе лишь роль «тени», скиаграфии, по отношению к Священному Писанию. Идея скиаграфии и критика литературы у Василия, как отмечается в разделах 4. 1–4. 2, развиваются с опорой на II–III книги «Государства». Василий и Платон не только высказывают схожие идеи по поводу литературы, но и приводят зачастую одни и те же примеры. Под влиянием «Государства» свт. Василий вводит в контексте разговора о литературе тему истинной и мнимой добродетели, которую он использует, чтобы продемонстрировать превосходство христианской литературы над языческой.

В разделе 4. 3 мы рассматриваем еще один платонический пласт в гомилии, связанный с диалогом «Федон» и с содержательно близкими ему пассажами из VII и IX книг «Государства» (частично использованными также в «Протрепетике» Ямвлиха и в «Благодарственной речи» свт. Григория). Протрепетическое значение «Федона» признавал Ямвлих, а Климент использовал некоторые мотивы диалога в своем «Увещании».

Свт. Василий, опираясь на диалог «Федон» — на что указывает ряд текстуальных и содержательных параллелей, — встраивает протрептик в более масштабное рассуждение о принципах взаимодействия христианства с античной образовательной традицией.

Как показано в разделах 5. 1–5. 4, эти принципы мыслятся им в духе александрийской традиции, в частности, «Благодарственной речи» свт. Григория, где протрептики Оригена также встроены в обсуждение образовательной проблематики. Как и Ориген, Василий настаивает на пропедевтическом характере языческой культуры. Отмеченные М. Нальдини параллели с «Благодарственной речью» и письмом Оригена Григорию⁵⁷ рассматриваются в сопоставлении с текстами Филона и Климента Александрийских, а также с параллельными местами в Платоновском корпусе.

Мы указываем, что о протрептике в сочинениях святителя можно говорить в двух смыслах. Послание «К юношам» артикулирует *принципы* отношения христианства к языческой пайде́е. Установка на поиск нравственно «полезного» в литературе заставляет святителя выделять протрептические элементы в текстах древних авторов и порой «вчитывать» нравоучительный смысл в эти тексты. «Протрептик» Гесиода или любого другого автора, таким образом, оказывается нравоучительным наставлением — и внимание к такого рода наставлениям роднит беседу самого свт. Василия с паренетической традицией, восходящей к корпусу Исократ.

С другой стороны, в послании прослеживается и понимание того, что истинное обращение — которое у Василия оказывается в духе платони-

⁵⁷ Naldini M. Basilio di Cesarea... P. 30–58.

ческой традиции обращением к Свету от теней и образов — связано не с литературными наставлениями и нравоучительными эпизодами, но с действием самого Бога, к познанию которого ведет познание собственной души. Такой протрептик мы находим в беседе «На слова: *внемли себе*». Можно сказать, что эта беседа представляет собой *практическое применение* тех принципов, которые намечены в послании «К юношам».

Таким образом, свт. Василий осмысляет протрептический потенциал греческой литературы («К юношам») и свободно использует этот потенциал в целях христианства («Внемли себе»). Полемико-апологетическая установка ранней христианской литературы уступает место мощному жизнеустроительному порыву образованных христиан IV в.

Наконец, в **заключении** подведены краткие итоги исследования, даны общие выводы работы и намечены перспективы ее продолжения.

Основные положения диссертации отражены в публикациях в изданиях, принадлежащих к списку ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК:

- 1) Паренеза: философская и риторическая традиция // Вестник ПСТГУ III. Т. 3 (25). 2011. С. 23-36 (0,7 а.л.);
- 2) Беседа III Свт. Василия Великого «На слова: *внемли себе*» как философский протрептик // Вестник ПСТГУ I. Т. 1 (39). 2012. С. 21–29 (0,4 а.л.);
- 3) Сократики и *λόγος προτρεπτικός* в IV в. до Р.Х. // Вестник ПСТГУ I. Т. 3 (41). 2012. С. 105–114 (0,4 а.л.);
- 4) «Сократический протрептик» и образ Оригена в «Благодарственной речи» // Вестник РХГА. Т. 14 (2). 2013. С. 237–245 (0,5 а.л.).

в других научных изданиях:

- 1) Влияние Плутарха на речь Василия Великого *Ad adolescentes de legendis libris gentilium* // XX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Т. 1. Москва, 2010. С. 232–236 (0,5 а.л.);
- 2) Свт. Василий Великий о паренезе: библейские тексты в свете античной традиции // XXI Ежегодная богословская конференция ПСТГУ. Москва, 2011. С. 151–155 (0,4 а.л.);
- 3) Traits of protreptic exhortation in St. Basil's homily *On the Words 'Give heed to Thyself'* // *Studia Patristica*. Vol. 62 (10). 2013. P. 69–80 (0,5 а.л.).